

Гошка, он же инвалид

— Гоша-а-а!! Го-о-ош-к-а-а!!.

Кричали и колотили так, что еще чуток — и дверь бы определенно вынесли. Сказать, что я вылетел пулей?.. Нет, я просто не помнил, как вскочил, как открыл замок...

Обычно сплю я не очень крепко — но сегодня, после неожиданного рабочего аврала, когда я окончательно зашел в тупик в отношениях с трудным заказчиком, а потом и слегка употребил по этому поводу — просто, чтобы успокоить нервы, — словом, употребивши и успокоившись, я вырубился под бубнеж телика, который давно пора было снести на помойку — вместе с его никчемным бубнежом. Не знаю, отчего я терпел анахронизм, поселившийся в доме еще при родителях; но я терпел его, как терпят кота, раз за разом гадящего в тапки, и ждал, пока тот наконец подохнет собственной смертью. Именно проклятое устройство, предназначенное в основном для закачивания в мозги рекламы, а также для выедания их чайной ложечкой, и было виновато. Я не сразу просек, что орет и грохает не озвучка, а реал: колотят в мою собственную металлическую дверь, вопя при этом столь отчаянно, что меня буквально снесло с дивана, где я закемарил.

Вскочил я в чем был — мой костюм-тройка состоял из трусов и пары костылей, но соседка — Петровна? Васильевна? — словом, почтенная пожилая леди, живущая напротив, претензий не предъявила. Думаю, она вообще вряд ли заметила бы, даже будь я без основной части своего прикида.

На ней, что называется, лица не было — а то, что находилось на месте толстых румяных щек и вечно прищуренных, ищущих свою выгоду глазок, ходило ходуном и тряслось студеном, вместе с тумбообразным туловом, упакованным в старый махровый халат.

Крик, халат, прыгающие губы и забрызганный слюной подбородок врезались в глаза мгновенно. Лишь раз взглянув, я и через сто лет смог бы описать в мельчайших деталях все: и пятна на халате той, что разносила на фиг мою дверь, и мелкий сор на площадке под нашими ногами, и тусклую лампочку в самодельной сварной сетке, надетой на сей осветительный прибор, чтобы его постоянно не лямзили... Сетка бросала гротескные тени на раззявленный в крике рот, на меня, остолбенело плящущего зенки, и на декорации в стиле «пролетарский авангард»: исписанную маркером дверь лифта и табличку на помещении ЖЭКа, помещающегося напротив наших — с Петровной? Васильевной? — квартир, бесстрастно информировавшую граждан о часах приема.

— Повесилась!!!

Я машинально отер с лица брызги.

— Пряма у меня в квартире!! Повесилась!!

— Ма-а-а-а-а-ма-а-а-а-а!! — страшно неслось из полуоткрытой соседской двери.

Я грубо двинул в сторону неидентифицированную махровую Петровну, и она, впечатавшись в виртуозно проиллюстрированный пост о чьей-то половой распущенности, с воем стала оседать прямо на вверенный ее попечению нечистый цементный пол.

— Ма-а-а-а-ма-а-а-а!! Не на-а-а-адо!!

Девчонка все делала правильно: держала тело за ноги, толкая его вверх и не давая петле пережать шею намертво. Мать была по крайней мере раза в полтора крупнее — или же мне это просто показалось, потому что повешенный человек вы-

глядит очень длинным? Но сопоставлять и раздумывать было некогда: я перехватил дергающиеся ноги и рывкнул:

— Нож!! Нож неси!!

Она мелко-мелко закивала, но с места так и не двинулась: шок. Один костыль уже выскользнул и валялся на полу — и надежда на то, что я устою под весом пляшущего в петле тела на одной ноге и удержу эту повесившуюся дуру, истаявала с каждой секундой.

— Нож! — заорал я, и девчонка наконец очнулась, затопала по коридору и, судя по звуку, уронила там, на кухне неизвестно куда подевавшейся в критический момент Петровны-Васильевны, все ножи разом, вместе с ящичком.

Я стиснул зубы и молился, чтобы не упасть, чтобы выстоять вместе с этим конвульсивно дергающимся телом: если щедедушный подросток не дал женщине в петле умереть, то и я смогу... смогу... смогу!..

Она вернулась быстрее, чем я ожидал, без лишних криков и рыданий в два прыжка взлетела на письменный стол и полоснула наконец по веревке ножом. Я не удержал ее мать, и мы упали вдвоем, прямо на мои угловатые костыли: я — боком, она — сверху, мешком, глухо и безжизненно стукнув о паркет головой.

— Петлю... — прохрипел я из-под нее. — Петлю ослабь...

Однако надежды, что перепуганная до смерти девчушка сделает как надо, не было — поэтому я злобно и бесцеремонно спихнул с себя тело: нашла когда вешаться, идиотка!

Словно поддерживая мое мнение о самоубийце, в дверях воздвиглась... да, все-таки Петровна, а не Васильевна — и завизжала:

— Впустила на свою голову!! А они ж, мать твою! У меня в квартире!! На улицу иди и там скоко хошь вешайся!

С улицы из незнамо зачем распахнутого в ноябрьскую сырость окна тянуло близкой помойкой, дизельной

гарью и почему-то антоновскими яблоками. У меня саднили ребра, которыми я приложился о собственный костыль, и костяшки пальцев — падая, я провез ими по стене.

— Скорую надо вызвать, — я вклинился между двумя воплями Петровны, но она только замигала недобрыми, черными, как эта осенняя ночь, гляделками:

— Еще чего! Неприятностей потом не оберешься! Ни прописки у нее, ни работы, ни денег... Участковому кто, я за нее отстегивать буду?! Да еще и вешаться придумала! — снова завела дворничиха о наболевшем. — У меня прям! Нашла дуру! От пожалела на свою голову! Собирайте манатки, и чтоб через час и духу вашего!..

Незадачливая самоубийца молчала. Дышала она с трудом, но самостоятельно, с видимым усилием втягивая воздух при каждом вдохе. В горле у нее свистело и похрипывало, но лицо вместо синюшно-багрового мало-помалу приобретало нормальный цвет. На шее у изгоняемой из дворницкого рая еще болтались остатки удавки.

— В дурку б тебя, сучку, щас отправить! — все не унималась хозяйка. — Привязать к койке, да под галоперидол! — неожиданно проявила недюжинное знание предмета Петровна. — Сама чего — вешайся хоть по сто раз на дню, а девку твою в детдом сдадут! Чтоб мамку потом всю жизнь вспоминала, как бросила! Добрым словом, тля... Да хто ж у нее есть, кроме тебя? А тебя утром я чтоб и как звать забыла! Увижу вас у квартире — сама придушу!

Она была неплохая баба, эта толстая ушлая Петровна, где-то даже душевная и отзывчивая, хотя и простая, как все менеджеры метлы. Впрочем, никакая другая и не впустила бы к себе одиночку с ребенком и, видимо, с большими проблемами. Ну, не вешаются же люди с бухты-барахты, просто от осеннего сплина? Такие люди берут пару пива, включают

устаревший телик и заваливаются на продавленный диван... короче, как-то так.

— Ну, я к себе... Позвольте?

Одним костылем я безуспешно пытаюсь выгрести из-под батареи уехавший туда второй.

— Инвалида из-за вас, мать вашу, сбудила! В одном споднем!

— Возьмите...

Девчонка, косясь на мою безобразно висящую из трусов культю, протянула костыль.

— Вот... воды выпей... дура.

— Валерьянки, — посоветовал я, — сразу столовую ложку. А еще лучше — водки. Полстакана как минимум.

— Имеется, — буркнула дворничиха и в сердцах хлопнула рамой окна, отсекая запахи невесть откуда взявшейся антоновки и родных мусорных баков. — И то, и, как говорится, другое!

Женщина: попытка повеситься

Этот город не выносил чужаков. Он был предназначен для своих. Он не принимал нас, приезжих. Понаехавших. Чужих. Недовольных. Неприкаянных. Ненужных. Мы не были его частью. Родившимися в его утробе и под его небом. Впервые увидевшими солнце из его окна. Возвращающимися на его не самые красивые в мире улицы из куда более впечатляющих городов, но все же со вздохом облегчения: его кровное выбирало ДОМ.

Город отвергал нас — призраков с выпотрошенной душой и пустыми глазами, которые искали неизвестно чего: радости? Нового счастья вместо утеряннго? Или хотя бы просто покоя? В наших глазах не отражалось ничего дорогого